

Дмитрий Румянцев

НОБЕЛЕВСКИЙ ТУПИК

(стихотворения 2006–2011 годов)

Омск
2011

ББК 84(2=Рус)6-5
Р865

Румянцев, Д.

Р865 Нобелевский тупик: стихи / Д. Румянцев. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2011. – 76 с.

ISBN 978-5-8268-1601-1

Нобелевский тупик – ранее железнодорожный тупик в Омске, ныне – одноимённый переулок.

ББК 84(2=Рус)6-5

ISBN 978-5-8268-1601-1

© Румянцев Д. А., 2011

© Издательство Омского
государственного педагогического
университета, оформление, 2010

*Моим родителям,
Хельге и Платону*

ИНТРОДУКЦИЯ

Порт-Артур*

Как было бы невыносимо
в провинции век вековать...
Но долгих закатов Цусима
мне жил не велит отворять.

А туч броненосец, что ящер,
ворочается тяжело.
И в чёрный колодец на даче,
как якорь, спускаю ведро.

И валкой походкой морскою
до будущей грядки иду,
за чайкой следя за речною,
поднявшей на небо еду.

В то небо, где спорят языки
туманов, ветров, голубей.
Где их адмирал луноликий
на Жёлтое море глядел.

Немые сраженья закатов...
Я – трус? Я не на высоте!
С веслом я копаюсь – с лопатой,
с двестишьем на мятом листе.

Немало мне в жизни досталось:
отточие, цепь островов...
«Кореец», «Варяг», «Петропавловск»...
в полнеба. И больше того.

---

* Порт-Артур – район Омска.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИСХОД

Мечта

Я хотел бы владеть небольшой забегаловкой в Чехии, чтоб чихать на погоду, на ветер с тяжёлыми ядрами града. Я бы сидел в погребке в центре Старого города, обсуждая хоккей, дриблинг Ягра и новости с севера. И своим завсегдатаям кружку янтарного вынеся, я б глядел, как заезжий зевака разбавленным давится, чтоб не спорить, а потчевать лучшим (когда догадается!).

Я назвал бы питейную скромно, со вкусом: «У Гашека». И создал бы, наверное, Партию Чревоугодников, Подкаблучников, Сиплых Охальников, Дамских Угодников, чтоб бороться на выборах с Папством и девством. И сочные кровяные колбаски на стол подавая в переднике, я завел бы собаку, жену. И мечтал о наследнике.

А когда бы захлопнулась дверь за последним отчалившим, погасил бы все лампы, как прежде – о геополитике бесконечные споры до пены, у рта опадающей. И пошел бы играть в буриме к одному из товарищей. Чтобы утром, смешавшись с толпой, протестующей яростно, лечь под танки истории.

Ностальгия

Вспоминая пустой
особняк на Морской,
рысаков
и густой от цветения садик...
Вот он – выцветший задник,
России настой:
из бурьяна, тоски, из бастующих фабрик.

Ночь. В. Сиринь выходит курить. За оградой
предвоенный Берлин, как парад войсковой.

Звёзды падают с неба, как будто сирень
осыпается в окна с протяжным шуршаньем.
Облака, страшноватые как дирижабли,
всё бегут. И на улицу что ни надень,
выйдет плохо.
И сразу на двух полушарьях
начинается день.

На других берегах, в переплётах иных
Маша. Машенька. Трижды засвечена плёнка.
Пелена обнимает её и барчонка,
двор, калитку и бабочек лёгких, мучных.
Что там делали вместе?
А дальше – потоп.
Дым. И взят Перекоп.

Уезжая из рая, уехать – куда?
Всюду память отравит блаженство Адама.
Над Невою цыганка на даму гадала
о грядущем. А мимо бежала вода.
...В. Набоков. Лолита. Глядит Новый свет
сквозь пустой кабинет...

Омск. Восстановление

На Успенском соборе леса. Мастерок и рубанок.
Матерок и рубаха, пропахшая потом. Потом
встанет храм. А теперь из спецовок глядят спозаранок
мастера, не знакомые с трудным церковным трудом.
И один на растущую кладку взирает Петром.

Суэта. Маята. Но стоит позолоченный купол
на взопревшей земле, отражаясь в холодной воде.
А строительный кран поднимает вертящихся кукол.
Мастерят, матерят. Через улицу – серый, как жупел,
нависает фасад римским портиком НКВД:

*был епископский дом. Из него возвели цитадель.
Храм тогда продержался три взрыва, но всё-таки рухнул.*

Огрызаясь, вгрызается в вязнувший грунт экскаватор
проржавелым ковшом: заварилось, взошло, занялось.
Вот обходит работы с планшетом прораб, про-куратор.
Смуглый плотник, в ладонь поплевав, – так бывало когда-то, –
принялся в крестовину свирепо вколачивать гвоздь.

Сад юннатов

Собирались. Сбегали с уроков. Шли в стужу, во мрак,
выгнув прутья ограды. И месяц над садом юннатов,
освещая осеннюю злость, золотил буерак,
где стояли, курили. Где взрослости зоркий анатом –

страх, испытывал каждого. Ну? Кулаком и коленом,
и свинчаткой под дых, и жестоко разбитым лицом.
Кость срастётся, синяк заживёт. Каково в перемены
под ухмылкой друзей-переселенников слыть гордецом?

Здесь задачки решались путём перебранок. А в вере
упражнялись до хрипа, до свары, до первых кровей.
Но металась сова, и лисица кричала в вольере.
И казалось, что жжёт на разбитых губах солоней.

И хотелось вот так простоять, улыбаясь паскудно,
никуда не идти, если звёзды ползут по скуле,
если здесь, за решёткою сада, глазеешь, как Бруно,
в обжигающий космос: в глазницы печальных зверей.

Уроки ненависти

Город дышит сумраком предместий.
Голод назревает, как болезни:
лёгким кашлем – недостатком каши,
разделеньем: *наши* и не наши.

Ропот вырос в небо, как Исаакий,
рупор корабельный крикнул: «Хватит!».
Ухнули Таврида и «Аврора»:
наши бьют не наших у забора.

– Жги шпана, пока не смотрит школа!
– Утекай, братва, их тоже шобла!
Все мы в физкультурном пыльном зале
на коня Троянского влезали.

Песня о царе Иоанне Четвертом

Ох ты гой еси,
православный царь,
пёсья кровь,
господарь,
отец...

Что ж ты Троицу
(тройкой в бубенцах)
не туда повернул,
гордец!

Во Израиле сильных казнями
изводил,
словно Ирод – сам,
под Казанью, под Нарвой, над Клязьмою
не вино,
не мёд по усам...

«Власть от Господа!» –
вера – правая?
Или кто-то, Его опричь,
шепчет в ухо тебе лукавое,
но не можешь того постичь.

Русь Святая?
Мирское Царствие?
Это ль твой Иерусалим?
Филофеево-иосифлянское
суесловье тебя пьянит?

Ревность в вере?
Палач! Удобно ли?
Вслед кому ты въезжаешь сам
на осляти на место лобное?
Царь-отец,
где твой сын Иван?

Ах, юродство!
Смиренье деланно!
Супротивных себе простил?
Примирил?
А, тебе наследуя,
что получит Димитрий-сын?

Что оставишь,
Зерцало Божие,
по себе?
Или вечно жить?
Может сам *эфиопской рожею* *
высший замысел исказил?

Ах, не правый купец Калашников,
ох, не Курбский тебе Судья:
разве волк примирится с овцами
и с Отечеством сыновья!

И не грешнику мне,
не вставшему
на правёж к тебе,
повторять:

Третий Храм – в душе!
Третий Рим – хорош!
А четвёртому –
не бывать!

---

* «Кто же убо восхоцет такового ефопскаго лица видети?» – писал в первом послании к Андрею Курбскому Иван Грозный. Филофей – русский писатель, монах XVI в., автор теории «Москва – третий Рим», посланий к Ивану IV, сторонник иосифлян. Иосиф Волоцкий (в том числе) – писатель, игумен Иосифо-Волоколамского монастыря, глава иосифлян, чья доктрина строилась на теологическом обосновании возникновения государства и «божественного происхождения» царской власти.

На школьном дворе

Мы собрались в адашевский кружок*
и драный мяч до вечера гоняли
по кругу, между нами был зверок –
из младших нахалёнок-желторот,
которому мы пас не отдавали,
как он ни бегал, чтобы знал урок,

чтоб возмужал. И в школе мастерства
футбольного мы продолжали жарить,
гоня его до одури. И жалость
сбежавшая с крыльца его сестра
несла сквозь слёзы: «Ванька, ты ж устал!
Он вырастет, и ох, он вам покажет!»

Он вырос и под Грозным сдал своих...

---

* Адашевский кружок, или Избранная рада – боярский совет при правлении молодого Ивана Грозного. Впоследствии царь подверг его членов гонениям и казням.

На выгуле

Собачья площадка. Барьеры, ограда. Скулит
вчерашний волчонок. Привязанность мерит удавкой
инструктор. А в небе звезда молодая горит.
– Вот так и сиди, и беги, и лови, и не гавкай!
На строгий ошейник посажен животный инстинкт.
Молчу. Наблюдаю: скребётся, подходит, рычит.

Оскал. И кровавая пена на морде его:
овчарка, огромный кавказец, послушный девчонке.
...В закрытом НИИ: притяжение, давление. Кругом
звериные силы, заснятые на киноплёнку.
Ревёт пусковая площадка. Обратный отсчёт.
Созвездие Псов. Что сегодня я видел ещё

в темнеющем небе? Опричнина? Пёсьи клыки
болтаются подле седла? У ивана избыток
клевет, оговоров, признаний, отчаянных попыток:
калёные клещи, уловки, удавки, крюки.
Собачья грызня, и узнать человека боюсь!
Какая звезда над тобою прокатится, Русь?

– Вот так и сиди, и не тявкай!.. Да вой на луну.
Стихи и мольба над моей головою роятся.
А власть выкликает: «К ноге!». Да нельзя отказаться.
И Бог говорит. Но за ним повторять не рискну.
Что эту собачью площадку я в сердце ношу –
безумную ношу: – Не трогай, а то укушу!

Перед зеркалом

1.

Работали за пайку трудодня,
за байку бригадира, голодали.
Пол-Царствия небесных на коня
понурого, но тяглого меняли.

А если выпадали выходные,
а если выходило умирать,
мать сына в лоб ждала поцеловать,
когда в сенях толкались выводные...

И вот теперь, когда я лбом касаюсь
холодного зеркального мирка,
зажав кулак, я вижу кулака.
И в раковине пены облака
плывут себе. И я себе не нравлюсь:
порезался...

2.

Сажали хлеб и убирали хлеб,
в пехоту, в Польшу, сына провожали,
когда вода за рощею бежала,
чуть слышная, – на мельницу судеб.
А если выпадали выходные,
а если выходило умирать,
дед внука ждал, чтоб в лоб поцеловать...

И проступили чёрточки родные
теперь, когда стекла коснувшись лбом,
и, кажется: на свет из тени выйдя,
я старца отходящего увидел
в нетопленной избе.

Там дьяк с трудом
талдычил ложь и правду о спасеньи.
И воскресенье было. Воскресенье.

3.

Бесхитростнее и мудрей,
трудней и безысходней жили,
но в пояс кланялись земле,
пшеницу жали, рвали жилы.

Когда же подступала *тьма*:
не тьма, не ночь, а та – большая,
они, загадку разрешая,
себя жалеть не разрешали:
одёсную душа – внушая
внучатам:
горе – от ума...

Декабрист Александр Блок

И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Александр Пушкин, 1818 г.

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем...

Александр Блок, 1918 г.

В каналы чёрные добавили чернил.
В снега, истоптанные чернью до Опочки,
чьи каблуки давно расставили все точки,
в стихах он голову – перчаткой – уронил.

Жандармы-вороны, повсюду Николай! –
в монарший век, уже – Второй, торчат расплаты
усы казацкие... наганы тли бушлатной,
два царских имени рифмуя: «Расстреляй»!

Дворяне-пестели, апостолы умов,
зачем вам чаялось служить Прекрасной Дrame?
– Какая Муза бродит стылыми дворами?
– Чей фарс обычно повторяется, как кровь.

Вот «Пли!» прокатится. Да, выйдя на крыльцо,
наступит новый день... Служи народной стае.
Живи один, пророк! – кто оправдает всё
пером... и славою кровавой обрстая.

Отступник

Старушке – стыдливые десять рублей.
Не просила даже, но глаза не забыть.
Откупился, отступник, от сотни скорбей
и качу скарабеем свой скарб и жизнь.

А в подвале слышал: кого-то бьют.
Слышал, но мимо прошёл.
Семеро одного не ждут.
Ждали. Били и ждали. Что

разобьюсь в кровь и вдрызг, но спасу, впрягусь.
Но прошёл – никого не спас.
Вот и вышло, что вышел в итоге – трус.
А Он смотрит с иконы, Спас...

Говорит:
– Умри за меня и *живи*.

И ждёт.

То лампадка, то свечка дрожит...
Только я не умру, я спасу живот
на коленях, как Вечный Жид.

И когда в третий раз петух пропоёт, –
поздно будет жить...

Палиндром 1991 года, или Новый 2002-й

ибо сыны века сего догадливей
сынов света в своём роде

Лук. 16, 1-8

Но сидели за партой с притихнувшим фетом
хулиганы рембо и рабле?
И шептались о славе, о плоде запретном,
но заветном... о зле и добре?..
Нет, не так: о шалавах, бабле
Рэмбо и Трафарет.

...фет читал о веках, где, забывший о Боге,
над Невó(ю?) рыдает Моав.
А они совещались-базлали о *Блоке*
(не троцкистско-зиновьевском, не о пророке)
сигаретном, который продав...

Так из блочных хибар выплывали на стрежень,
на простор полноводной судьбы
толкователи правил, где слабый повержен
в пыль и прах подковёрной борьбы...

А о фете?

...О нём? – неудачник-зубрила, –
жизнь расставила все по местам!
И не: «*В годы былые тебя, о Аттида, любила я*»*,
а «Улыбок тебе, дед Макар!»**

---

* Строка несохранившегося стихотворения Сафо в переводе Вячеслава Иванова

** Циничный подростковый оборотень, часто ошибочно именуемый палиндромом.

***

От обжорства два раза в неделю жестоко страдая,
Оболенский, Облонский... а, впрочем, не в имени суть,
он лежит на тахте и пытается – пытка! – уснуть,
граф, надежда России. Дворовая девка Аглая
входит в залу на цыпочках, вносит разящий настой:
– Эк, вы, барин! Ведь совестно, право! Великим Постом!

А за серыми окнами утро уже занялось.
Расторопный извозчик везёт из рабочей слободки
испытых работяг и, своей не меня повадки,
вымещает на крупе кобылки мужицкую злость.
Но задёрнуты шторы. В гостиной стоит тишина.
И Аглая: «Ах, право же, барин!.. Пустите же! А?»

Граф поедет отужинать к фрейлинам в Царском Селе.
Граф послушает вечером толки в «Бродячей собаке».
Он неловко сидит, может так, на охоте в седле,
только споро, с охотой ведёт деловые бумаги.
Но до выпивки слаб. И, нещадно деньгами соря,
предрекает войну. Или в клубе ругает царя.

И из тех, кто торопит реформы, он тот, кто ещё
Конституцией, миром сословным, свободами бредит.
Впрочем, вечером не в заседание, а в оперу едет
и кричит ямщику: «Поторапливай, в мать его, чёрт!
Начинается буря!» Снег валит и валит с небес...
И не пушкинский, но Достоевский слоняется бес.

Вспоминая девяностые

Павианы в малиновых пиджаках,
нагонявшие космогонический страх,
где вы теперь, в какой Валгалле?
Вы, обнажившие механизм
жизни: безумье и дарвинизм,
в Лете какой, в каком центре?

Думал ли я, что смогу прожить
без аксиомы житейской лжи,
что не сопьюсь, не сколюсь, не сгину.
Только так вышло, и там, на дне,
если и умер в своей стране –
в небо я умер и рот разинул.

Видано ли, что они прошли, –
годы в которых при слове «пли!»
птичка влетала в глаза пустые.
Только я подлость всерьёз узнал
в час, что рублёвку в кармане мял.
Где Паганини шальной России,

юркий карманник трамвайных лет,
мой театральный украв билет,
вёл симфонический гул. И скрипка,
долгим аккордом светло звуча,
пела под пальцами щипача
до пресыщения, до избытка.

«Чтоб объехать всю курву-Москву...»

Ах, Московская Русь, – Золотая Орда,
половецкая гарь облетевшего леса.
Вот голландский станок, да Кукуй-слобода,
да чужой интерес, да колёса прогресса.

Поднимали на дыбе, клеймом обожгли...
В иностранных счетах, красота-полонянка,
где твой дом у пруда? Или – только угли?
Где твой Углич? А трак быстроходного танка?

А трактат Чаадаева? Разве слова
возмещают свирепую хватку страданья?
Но стоит над Москвой незнакомка-Москва,
изменившая всем, не меня названья.

Что за дело до ходки твоей воровской
мне, когда ты за что-то меня пожалела?
Не велела казнить. Наградила тоской.
Да с гусиным пером посылала на дело.

...Но уходят в урманы святые твои
по болотной траве. Триумфальной аркой
над тайгою туман равнодушный стоит.
И трещит над охотничьим домом флюгарка.

На рынке

Кедровый орех, да брусника, да клюква. Один в торговом ряду он торчит под тулупом: чернявый, огромный мужик. Как толстовский Платон Каратаев – стихийный мудрец... и таёжник, что ездил в Харбин, кто знает, как ставить силки, как крошится хитин, повадки синиц, трясогузок, лисиц, горностаев.

Он дышит, как зверь. Он косматую лапу суёт тому, кто приблизится тёмную ягоду выбрать. Он здесь, как в воде взбаламученной хищная выдра. Горазд торговаться. И любит вымысливать счёт минутам тягучим, большим. И когда подопёт не знает наверно никто, что из этого выйдет.

Трудяга, честняга, хитрюга. Похож на лису оскалом. С рогатиной молча идёт на медведя. Вот он-то и держит качнувшийся мир на весу на зависть пришедшим в движенье народам, соседям. ...Вот он отстоит в полуночном соборе молебен, и двинется в глушь, восвояси, как будто к Христу за пазуху:
в оттепель – посуху...

Наташка

I.

Субботним вечером, большим, как мысль о Боге,
приводит мальчика, и раздвигает ноги,
и, в омут падая, зажмуривает веки:
так начинается презреньё в человеке,
слепым зародышем проснувшись в теле голом,
любовью, взятой унижительным глаголом.

II.

Косится в зеркало на девку, на оторву,
и тошнота, как слёзный ком, подходит к горлу.
«Вот раздобрела! – как Венера*, как Матуга.
Какое пузо!» Но отыщется минута –
и станет стыдно, и захочется одеться,
когда почувствует внутри – второе сердце.

---

* Имеется в виду «Палеолитическая Венера» – доисторическая статуэтка женщины, изображённой тучной или беременной.

Устами младенца

Вот мама. Вот её плечо, рука,
прекрасные, как горы и река.
И я ещё прошусь на эти руки.
Но очень скоро встану и пойду
и горы, и ручей в горах найду,
и эхо колыбельной в дальнем эхе.

Ну а пока не знаю ничего.
Огромный мир. Я маленький его
насельник. И распластаны в полнеба
и листик, облетающий зазря,
и майский жук, и лапка муравья,
приближенные зрением. Но где бы

мне научиться подбирать масштаб,
судьба моя... А я тростинкой – слаб –
врастаю в высь среди уличного гама.
И гамму чувств пытая в первый раз,
я не уйду в грозу от умных глаз,
от той зари, что называлась – мама.

Тема с вариациями

I. Первый урок

Мать пила, а отец для него только отчеством был.
Впрочем, значит – не бил. А мальчишка девочку любил.
Если это любовь? Он – разбойник, она – недотрога.
Но до школы вела через парк золотая дорога,
и не столько науки он в эти года проходил,

сколько тёмную тропку. Где сумрак до страха сгустился,
где однажды, счастливый, – и он! – за неё заступился.
Но она-то любила Бернштейна, фовистов, *Форель*,
разбивавшую лёд. И напрасно тяжёлый портфель
он таскал для неё. Отдалялась она. Хорошела.
Он болел за «Спартак», и она чем-то вечно болела.
...Он отстал в прилежаньи. И в парке догнать не посмел.

Позже он фарцевал и развратничал, дрался, шакалил.
Позже – сел на иглу. Позже – встал на учёт. Но едва ли
понимал что к чему. Да и школу закончил едва...
Кто оплатит его? – подсудимого, урку, бродягу,
что зарезан морозом в Сочельник за школьным оврагом,
так, как страшно над гробом Марининым в год выпускной
плакал гопник, упялясь в октябрь, что медаль, золотой.

II. Последний урок

Некрасивый мальчишка с угрюмым, надменным лицом –
вот за этот изьян и считали его шакалёнком –
он же зла не желал: был обычным капризным ребёнком.
Не был добрым – наверно, но не был ещё подлецом.

Но его не любили. И с ним становилась груба
в незнакомой игре даже паинька – девочка Варя.
И когда он её в первый раз почему-то ударил,
то уже за плечом ухмылялась судьба.

И, поставленный в угол (и загнанный в угол фемидой:
перекрёстным допросом – в грядущем), трусливый зверёк
научался терпеть-презирать. Варя, дева-обида,
хорошистка и ябеда. Урке – хороший урок!

Разгильдяй и девчонка-тихоня – чудные сближенья:
рок-н-ролл – *чуйка, греча* – либидо? – не сыщешь причин.
...Передоз. И напрасно над *ней* колдовали врачи.
Он из школы ушёл, чтоб однажды вернуться – за тенью

(отсидев за растрату, по тёмным делам проходя,
до министра взлетев. Опускаясь. Спиваясь), сводя
жизнь к задачке, к ошибке в учебнике, там, где ответ
в окончании книги. И всё бы исправить. Но нет:
кто-то выдрал страницу последнюю...

Воспоминания о секции бокса

Помню:
Кассиус Клей стал Мохаммед Али...
помню проговорил свой дар:

«Жаль...порхай и жаль,
и держи удар.
Хоть умри, но держи удар...»

...Я не вышел в боксёры.
Влюблен в слова,
я, как дервиш, верчусь волчком,
славя Слово Его, и когда судьба
бьёт под дых, я молчу молчком.

И теперь мне не жаль, что в поту, в крови
сын родился, чей лепет мне
лучший стих подарил:

«Не суди *сей* мир.
Хоть умри, но люби и верь...»

В капусте

Был дом открыт, и к нам на огонёк
прибился этот маленький зверёк –
улыбчивый детёныш человеческий.
Он был один. Он нам сказал, что *наш*,
на языке, который не предашь.
И суммою частиц и междометий

уверенность была: явился – царь.
И комната – не комната – алтарь
для долгой суеты – заботы птичьей.
Велев забыть себя, мирской устав,
он открывал кричащие уста.
И я катил коляску тихим рикшей

сквозь парк опавший, через *не могу*.
Я перед ним навечно был в долгу.

Декабрь втроём

Хельге и Платону

Бесплодный день, бесплотный, как тоска,
утих, прошёл. И ночь легла – густая.
На окнах – итальянская святая –
Мадонна? Нет? Ах, да, Мадонна, та,

что в Дрездене, в Картинной галерее
(где был проездом – был закрыт музей:
музейный день). А здесь, где победней
и небеса, и стогны – на стекле и,

как кажется, поверх голов и крыш –
Мадонна. Да! С младенцем Иисусом.
И мир мой – город, обойдённый вкусом,
согрел мечту...

...Ну, вот и ты молчишь.

Ребёнок спит, и над его кроватью –
окно, и в ночь – мучительный провал.
Он никого ещё не предавал...
Он только спит. И вдаль машины катят.
Но кажется тебе, что не от фар
Сияние...

Пэпэ Рваный Носок

– *Как, малыш, тебя зовут?* – Пэпэ!
– *Это?* – Мама! – *Это?* – Деда. Баба.
– *Что ты на прогулке подглядел?*
Бесится, гремит страшной набата.

Хлебный мякиш голубям соря,
поднимаю нового царя,
чтобы он увидел много-много,
сам для сына в роли полубога.

Сохрани его, Исус Христос!
Только-только родничок зарос.
Только-только ручеек позвал
в путь-дорогу – на морской вокзал.

Что там, приоткрывшаяся дверь?
Боже, будь прилежным провожатым:
пусть огонь небесного пожара
опалит его, но не теперь,

в час его! Я горько, но люблю.
Я его нечасто, но целую.
Не отдай ни Зверю, ни зверью,
ласточку пошли переводную.

В сердце пусть плохого, но отца
гордостью фамильною оставь...

Зоосад

Свалялась шерсть.
Бьёт в ноздри запах страха.
И злая некрасивая лиса
слоняется, пытается кусать
остатки пуха, и пера, и праха.
А я стою, не отвожу лица,
но за рукав призывно тянет кроха,
и говорит мне: – Папа, что – ей плохо?

Попробуй тут смолчать. Соврать. Уйти.
Заметит всё. А вертится, как угорь.
Я сам ребёнком загнан в тёмный угол:
«Ослабь немного хватку. Отпусти!»
Нет, смотрит испытующе, молчит.
И на затылке хохолок торчит.

Привет, старуха-совесь! Что ещё
предъявишь мне?
В мой взрослый мир и космос
ты, маленький, являешься с вопросом.
Я не прощён. И лис не отомщён.
И то, что в нас доселе было – злобу
вдруг на себя направили мы оба.

И я, и лис затравленный, тебе
что интересней?..
Смрад и визг металла –
вот зоосад. Но, чу: звезда упала?
В грудную клетку? Мне не по себе!
Там зверь: там страсть, там страх.
И страха кроме,
что ж ты осветишь,
если сын – детёныш?!

Иосиф-плотник

(апокриф)

Неисповедимы пути Господни...

Плотником был Иосиф,
не мудрецом,
не воином,
не владыкой.

Смирненное сердце имел
и жену любимую.

И потому, когда явился в дом первенец,
счастлив был
весельем несуетным.

И оттого не понял,
кто пришёл к нему,
хотя народ его
и говорил-то только об избранном...

...хотя и видел – не в него сын:
светел лицом, чист голосом.
«Никогда у нас таких не было».

Но ни на миг не задумался,
не усомнился нимало.
И только принялся работать усерднее.

Ведь и кормился лишь от трудов рук своих.
Чужого не брал. Лишнего не молвил.

А на все пересуды и домыслы
глядел с высоты своей любви.
И умаяясь среди людей, умолял о счастье.

А сына любил без памяти.
В книгу Августа-кесаря записал,
в перепись повременную,
не надобную, впрочем, там,
где взвешено сущее.

От злых людей сына берёг,
от напастей и холода,
от греха, как от Ирода.
Но никогда от горя и совести.

Учил видеть страдание,
отзываться на боль,
а себя не помнить....

И в дальнем Египте, в Мемфисе путанном
читал книжник, старик, в Книге Мёртвых
сыну плотника о Букве Живой,
о Царе и Храме, о Слове и Жизни...

И видел Иосиф свет на лице сына,
и, чёрный от работы, сам светлел душой...

Море дней прошло, миновало ночей.
Годы и годы, полные песка и пыли,
забот и звёзд.

Многому учил сына Иосиф,
многому у сына учился...

Но выучил главное:

на свете есть неизбежное,
мучительное и смертоносное,
но принять его надо радостно.

И открылось сердце, остановившееся.
И пришла смерть,
и Жизнь привела.

...Воистину, неведомыми путями идёт Божий промысел.
И ведомые им не знают, что делают.
Или знают что делают и лучшее ведают
в простоте сердец и помыслов.

И тот, кто назовёт сына Иосифом,
не будет нуждаться и страдать ...

Нет, будет страдать и нуждаться,
но *радостно*...

Цирк

Я сызнава люблю простые вещи,
о мудрости не знаю ничего.
А в цирке слон – индийский бог Ганеша –
старается для сына моего.

И широко раскрытыми глазами
сын смотрит, как в лучах прожекторов
слон крутит обруч, вскидывает знамя,
на тумбу поднимается – без слов,

и, трубный звук надсадно исторгая,
как человек, на задние встаёт.
Сын спрашивает: – Папа, он – поёт?
– Да, он играет с нами. Он – Играет!..

А, впрочем, я не знаю, знать не в праве
того, что открывается тебе.
Слон Индии играет на трубе,
куда на детства крошечной шикаре

ты уплываешь. Там – иные вещи:
любовь и смех растут из живота,
судьба чревата замыслом, густа,
и с маленьким, с тобою ищет встречи.

...Свет гаснет. Растекается толпа.
– Скажи мне, сын, что жизнь не так зловеща,
как кажется...

Читая сыну Барто

Ты разгваздал мой давний оберег –
хрустального слона. Его я склеил.
Судьбу ж не склеишь. Жизнь брала разбег,
но лайнер не взлетел – уткнулся в клевер.
Теперь на пепелище моего
полёта неудавшегося, кроха,
ты в жизнь вступил. Что хорошо, что плохо –
не знаю я, – зачем и для чего?

И потому мне страшно наблюдать,
как ты растёшь, и первые вопросы
слетают с губ. А я не Маяковский,
чтоб выдавать ответы. Страшно знать
про мрак галактик, про духовный космос,
где заблудились Юнг и Циолковский,
куда и я посмел тебя позвать.

А здесь на счастье не хватает сил,
а здесь за хлеб, за жизнь – до смерти биться.
Но ты сюда откуда-то явился,
в свою ладошку детскую схватил
мой палец указательный. Повёл
меня в игру, в распахнутые двери.
И надо ж так, что я тебе поверил,
и то, что потерял, опять обрёл.

...До половины выбрав жизнь свою,
я в лес попал к моральному зверю,
но вышел на знакомый оклик: – Папа!
И то, что *оторвали мишке лапу*,
и сердцем истрепался косолапый, –
ещё не горе, – он ещё в строю.

***

Не океан вокруг, и я не Одиссей...
Но редкий тополь не скрипит, как мачта.
Но резкий шквал не сгонит с высоты
команду воробьев. Моя Одесса,
моя Итака – парка карусель,
где сын в летящей лодочке маячит
и много повзрослевшим возвратится
туда, где ждёшь его, чужая, ты.

Всё сожжено. А раньше было трое
счастливых мореходов. Прялись тучи
и расплетались, чтоб палило солнце,
сходя ожогом с рук. Песочный жмых
рассказывал, как время камни моет,
как много кораблей ушло за счастьем...
Я – остров. Ты, и сын, и вечер – остров,
к которому пристанет твой жених.

Всё возвратилось? Ты теперь со мною
и сын. Но карусель пустили звёзды
вверху. И паруса снимают в парке
ветра с дождём. И лодки днищем вверх
у озера лежат. И нет Одессы
в моей стране, и в мире нет *Итаки*.
Когда-то здесь, чтоб встретиться губами,
я сбил фонарь. Он и сегодня – слеп.

Конец сезона

Парк отдыха. Закрыты карусели.
В аллеях, там, где лето прогуляли,
летают воробьи за сизарями.
Ленивые, остались, обрусели.
И каждый по-домашнему растрёпан,
и сбились в пары, как перед потопом.

Ещё темно. Но дождь уже идёт.
И в детский сад малютку тянет мама.
Похожа на тебя. А он ревёт.
Какое чудо – маленькая драма!
Но гаснут друг за другом знаки звёзд:
такой ковчег останется – без нас.

И я не позову тебя, пока
не ангел ты. Но ты не ангел больше.
Когда ты уезжала через Польшу,
то не различья в дебрях языка
мешали нам. А то, что меж людьми,
мы оказались разными зверьми.

Не извернуться, не сменить расцветку,
подшёрсток, оперенье. Только всё
стучится мутный дождь в грудную клетку.
Стучит. И обозренье *Колесо*
ещё скрипит...

Исход

Воробьиное царство, какого тебе языка?
В раннем детстве я, кажется, помнил твои очертанья.
Там, за лужей, за маленьким морем с огромным названием,
трансформаторной будкой, горой ты стоишь – на века.

Это там начинались легенды о жизни отцов
с очистительной жертвы: тетрадки в кровавых чернилах
на костре подле школы, с беседы о Южных Курилах,
с сигареты взятая под присмотром вихрастых жрецов.

«Это – Бог», – говорил, – «это – Чёрт, это – Друг, это – Враг»,
объявляя *войну*, но неловко сжимая кулак.

Становилось темней. Незаметно куда-то ушли
незнакомцы, друзья, Александр, и Филипп, и Гельвеций.
Мёртвый голубь, проколотый велосипедною спицей,
о тебе мы грустили, когда за сараем нашли.

О другом мы мечтали, когда засыпали в гостях,
и приют незнакомый мерещился Книгой, Дорогой.
Только самый счастливый вернулся статьёй каталога,
а иные бесследно исчезли на мглистых путях.

Это Бог говорил, притворялся, ревел, предвкушал.
Я оттуда ушёл. Я уже никуда не пришёл.
Воробьиное царство *не тронута* – и *хорошо*...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НОВАЯ ЖИЗНЬ

***

Вольфрамовый паук, плетущий в лампе сеть.
Ночному мотыльку опять не улететь?

Пока он бьётся здесь, я в мире не один.
Как трётся о стекло крылатый Аладдин!

Загадывая жизнь, загадывая свет,
догадываясь ли, что это солнце – смерть?

Что льнёт во тьму, из тьмы пытаюсь убежать?
Мне не достанет слов, чтоб это оправдать...

Я выключил ночник, я сердцем вижу, как
он движется на свет, хотя повсюду мрак.

***

Вот август, ночь. Отговорил сверчок
за дачами, за рельсами железки.
Но ходит вверх ногами паучок
по потолку, по рыхлой занавеске.
И ветер, заблудившись в перелеске,
следит звезды обугленный значок.

Сижу один под лампочкой слепой,
гляжу в окно на чёрную фанеру
вселенной... В этой комнате пустой
я пустоту миров беру на веру.
Но мир, который кончился за дверью,
влетает в раму бабочкой ночной.

И разум раздвигает рубежи:
за кругом света лампочки ледашей
есть птицам не доставшаяся жизнь,
есть место для мечты о настоящей
судьбе, свободе...

***

Порхает синица: опустится, в небо уйдёт.
И где помещается воля? Крыло, оперенье,
немного тепла – вот и всё. Но какое терпенье!
И сколько труда прилагает небесный народ:
здесь – пекло, там – холод, порывистый ветер и град.
Нельзя зазеваться, нельзя оглянуться назад.
Нерайская птичка, чуть вправо, чуть влево – и ад!

Здесь – пропасть, там – пасть. Но откуда берётся тогда
свечение ровного пламени в каждой пичуге?
Ведь это они, залетев во дворцы и лачуги,
твердили о том, что Небесные есть Города.
Откроется звёздная бездна. И будет незрим,
другим измерением задан, Иерусалим.
Но теплится свечка-синичка в горячей ладони.
Рябиновый куст разгорается, неопалим.

Бабочки

1. Голубянка киана

Ах, бабочка, беглянка, два крыла!
В двуречье, каторжанка, за Урал
уносится – узорница и блажь!
Как хороша! Не воздух, а витраж!

Сквозь северную готику сосны
химеры-птицы, данницы весны,
стригут лазурь двуострым чик-чирик,
а потому ты гостья, но на миг!

Страдалица, иконка для урла,
святая тать – ты в небо умерла.
Немного красоты (в пустой рукав)
над травами у вечности украв!

2. Совка

Как будто тишина большая
собралась задом-наперёд,
на травах бабочка цветёт,
в подкрылках ветер предвкушая.

Пока же – лепесток и флора –
она, спорхнувшая с Фавора,
среди прохожих и машин
ещё не более души.

Но собирается в дорогу
потугой восходящих крыл.
И что ей птица-Азраил?
Когда она – ещё немного –

и ляжет, избежав погонь,
прожилками в Его ладонь.

3. Нимфа

Репейница, крохотный складень,
парящая на воздушях
иконка – не знаем, не найден
Рублёв, расписавший размах

крыла. Сквозь полёта метанье –
начётчиков скучный бубнёж –
молитва проступит, молчанье,
как только ты крылья сомкнёшь.

Атлант

Синичка щебетала: это – свой,
подхватывала крохи на ладони.
Надолго увязалась вслед за мной
голодная пернатая погоня.

Но в сердце шевельнувшееся зло
крылатое доверье опровергло.
И сделалось неожиданно тяжело,
как будто я – на руку принял небо.

Девять соток

Грянут летние дни отпущеньем грехов.
И тяжёлые капли сшибать с лопухов
я уеду на дачу, где дождь отошёл.
Закатится бы в Крым! Но и здесь – хорошо.

Где-то дыбится море. Цветёт мушмула.
Но и тут, как душа, – в хризантеме пчела...
непосильную ношу несёт муравей.
И в сарай за лопатой забравшись, на дверь

обернусь – в рай плодовый. А из погребка
холодит inferнальная щель сквозняка.
Но под адову музыку ржавых петель
проводным на свет появляется шмель.

***

Нет музыки, хранящей ото зла.
И есть печаль. А в небе – стрекоза.
Прошла гроза. И вовсе непонятно:
кому она хотела послужить?
И радугу над миром обнажить,
и молнией кого-то покарать. Но

ушла в песок. Над садом зреет смерть.
Над садом птаха продолжает петь,
хотя ещё от страха обмирает
всем существом. Но свет горит в ночи,
но мотылёк о лампочку стучит,
и гибель с красотой примиряет...

И не живёт, но смыслы примеряет.

Лесничество зимой

I.

Как хорошо на Рождество
в пустом лесу, где я не буду,
где белой белки колесо
летит, похожее на чудо,

когда до смерти тянет жить,
но тяготит плечо берданка,
и сгнивший паданец лежит,
и самого себя не жалко.

Когда охотничий сезон
уже закрыт, в печальной песне
уйти совсем, как Аронзон,
и книжной бабочкой воскреснуть.

II.

Уехать в северный заказник,
что гол и пуст.
Где, как египетские казни,
рябины куст.

И, в дробовик засыпав дробы,
ходить вдвоём
с уже уставшим хмурить брови
ночным огнём.

Когда зарю затеплит солнце
и кинет клич,
шепнёт поруганное сердце,
что сам ты – дичь.

И остаётся только бахнуть
под грудь стволом,
забыть стихи, лежать в овраге,
как фараон.

Пусть летом звонко лушит векша
орех, и – ах! –
глядится лось в озёра текста,
и птаха – Птах.

III.

И зверь лесной, и гад морской, и птица
(их зоркий глаз, их напряжённый мускул)
желают *быть*, пытаются кровь и мускус,
терзая плоть, пытаясь воцариться...
и вебрь, и дрозд, и сонная амёба...
страданием питается природа.

Лев ищет лань, и волк идёт по следу
оленьему, и рыбу ловит чайка.

И человек нацелен изначально
на промысел охотничий. Но следуй
мой ум туда, куда нельзя стремиться,
где, враг насилья, я – самоубийца.

Вот здесь, в лесу, где шмель ярится жёлтый,
где чёрный уж забился под корягу,
я прохожу и к зимним срокам лягу,
но без ружья мне выйдет жребий мёртвый.
Нет-нет, не так – я вечно здесь пребуду:
баючь, река, разбуженного будду.

Лето в деревне

Выходишь на берег, как гусь из воды,
и солнце твои запекает следы
в оранжевой глине.
Так время застынет,
и всхлипнет топляк отголоском беды.

А ветер играет пустым тростником,
да катятся мысли кривым колесом,
чтоб в росы свалиться.
И чувствуют мышцы,
что шутку течение сыграло с пловцом.

Ведь здесь, заблудившись в высокой траве,
колючая стёжка дробится на две.
Три тысячи тропок.
Луг тёмен и топок.
И только луна одинока в воде.

Куда ты подашься? С какой стороны
упрячешь в охапку огромной страны –
за лес или выгон? –
всё то, что ты выбрал
руками в мешке грязноватой волны?..

Над рекой

Душа – как утро в камышах,
когда, бродя в рассветной балке,
я вижу, как летают галки.
Так тихо, что услышишь шаг

любой. И, глядя на ладонь,
увидишь там холмы, деревья,
как на бугор ползёт деревня,
как ива смотрится в затон.

И довечерняя звезда
там тоже есть. И крик животных.
И ряд столбов высоковольтных,
и блеск грозы на проводах.

Судьба. И по её подобию
равнина тёмная легла.
Но подчинится не смогла
ей стрекоза – в луче – над Обью.

И что в прожилках этих крыл
я упустил?

Сентябрь

В лужах – небо и грязь,
в небе – лужи и тлен.
Голова моя ищет чужой красоты
сладоострастную тень,
сумасбродную связь.
Паутинками, осень, осины густы.

Низко кружит журавль,
зябко носит Борей
запах прелых костров и желание жить.
В море дружных дождей
день – ахейский корабль.
Боров Борька в канаве, как Гектор, лежит.

А скирда объясняется звёздам в любви,
и в соломе шевелится мокрая страсть.
И Елена, и Ева, и ты, и Лилит
над ужами в траве не утратили власть.

Но разрезан лопатой червяк дождевой,
или это беда за душою пришла...
Паутинка из клетки такой золотой
улетела и звонко дрожит в камышах...

И троянская кляча
до дальних осин
по грязи, как по маслу, увозит меня.
И сапог в этой кашнице
корни пустил,
и в затылке – ветров пятерня...

Полкану

Дай лапу мне, когда такая стынь,
да из трубы – крапивный, злой дымок.
В деревне в чащу сумерек – настил,
и «ЗИЛ» в грязи стоит без задних ног.
И на сто верст – ни звёзд, ни огонька.
И радио хрипит, и телек сдох.
Ночь суеверий. Лезут с чердака
дух чеснока, сухой чертополох.
А в животе урчит сиамский кот.

И ты под лавкой, на него рыча,
глядишь, как мелкий бес и старый чёрт
толкуют за стаканом первача
про жизнь и смерть Ивана Ильича.

Священная корова

Деревенское лето в зелёной дрожит чехарде.
Заколочены ставни Нестряевых. – *Значит, уедут!* –
земский врач, недоучка, всезнайка, Антон Чехонте
поправляет пенсне близорукого велосипеда:

– *Значит, Лида...*

И вертит былинку, и смотрит на лес:
там торчит во все стороны куст, словно сельское лихо,
как бутылка первача из-за пазухи: – Где ты исчез?
Тут, того, – обрывает Пахомыч, – сгорела Пеструха.

– *Как сгорела?*

– Да вместе с сараем!

– *Неужто поджог?*

– Что ж ты думал?

– Митрюха, чертяка, опять напаскудил:
ночью к Лидке в окно, да – стихи! Он – поэт, голубок!
Прогнала – нахлестался!

– *Да он ли?*

– Так видели люди!..

Знать, ревнует!

– *К кому?*

– Аль, не знаешь?

– *Да брось ты молоть!..*

Там в Москве – только свистни!

– Не ты ли до младшей просватан?

А старшая: позвал бы к венцу, говорит, так пошла б!

– *Ася?*

– Ася!

– *Ох, б...!*

– Эй, смотри, повели Герострата!

За Митрюхой ползет (как за ветром ползут облака)
полдеревни. А он по страдальчески брови нахмурил.
И Антон понимает: не хворающая печень – тоска! –
это гробит его мировая тоска по культуре...

В деревню. Лубок

Приедет важный господин
снимать кино на фоне леса,
и загорятся интересом
глаза мадонн и магдалин.

Они живут, как васильки,
с судьбы иного не взыскупа.
И развалились одесную
Овсянки, Грязи, Васюки.

И вдаль зацветшая река
влечёт венки Купальской ночью.
Здесь появляется заочно
чертёнок возле костерка,

багряным треснет угольком
(как в аппаратной в ходе фильма),
и выйдет дева Серафима
из речки Глинки голышом.

...Убудет в шумную Москву
главреж, засняв сей тихий омут,
и прянет из кармана овод,
как смысл, неведомый уму.

***

Вот рисунок обычный. Художник-враль
поместил здесь церквушку, овраг, жнивье,
сельский клуб, жигуль, мужика с ружьём.

А за сценой – бренчит рояль.

Куропатка ли крикнет.
И, сделав крюк,
Эльма лаем зайдётся, пропав в кустах.

За картиной – стена.
Или русский Бог?

Пусто. Чай, не Москва!

Дорога

Дворовый пёс меня приревновал
к лежалой лытке, выброшенной в мусор,
и поднял лай. Но был, похоже, трусом:
в сапог уткнулся носом, завилял.
Я вышел на предутреннюю трассу.
Далёкий путь загадкой зиял.

Я шёл один. Я скуку отгонял.
Собрался дождь. Я долго ждал попутки.
И был октябрь. И парк, опавший, чуткий
к прощальному теплу, ещё играл
на голой ветке бархаткой-листом
последним. Дождь пройдёт, и что потом?

Нет, ничего. И ничего в том нет,
что взвоят пёс от холода ночного.
Что ночью – ветер, утром – холод снова.
Я жду вестей, я верных жду примет
за пеленой осеннего дождя:
что можно жить, что можно счастья ждать.

Придёт пора, тебя, наверняка,
потреплет кто-нибудь по чёрной холке.
Хотя ты – трус. Ты жалкий трус и только.
...Меняются на небе облака.
Вот так и ты меняешься, пока
надеешься. Да ищешь по-собачьи
Хозяина...

4-й скорый

Пульс поезда заметно ослабел.
Звенела ложка в цинковом стакане,
так фонари мотали языками
в эпоху Цинь, за временем – не страшно.
Я облизнул сухой, как воздух, рот.

Я не умел уснуть. И пальцев память
пыталась с простыней на небе сладить,
на верхней боковой. За занавеской,
над пустырями вздёргнутый, висел
туман луны. Я вышел в тамбур. Поезд
личинкой полз по спелым травам поля.

Под веером ночных чешуекрылых
таил своё лицо дорожный вывих:
коварное, восточное, дурное.
Свистящий мрак, как скорый, прибывал
к люминесцентным пагодам вокзала.
Репейница в вагоне умирала.

Гудящий пульс ворочая во мне,
как в горле у усопшего цикада,
грядущее отчаянной цитатой
сквозило на захватанном стекле.
...Гремел плацкарт, и кто-то, тайной крови,
вертелся за китайчатой стеною.

Гроза над садом

Дождь в созвездии Рыб.
Я созвездиям – раб?
Плоть и тайну дыханья припомнили жабры
эмбриона (кем был).
Коломбину судьбы
тянет нитью воды
в сад, где охают жабы.

Арлекин? Либертин? –
но под небом – один,
как Отец.
Как Ловец,
жизнь назвавший женою.
В боль, в вертеп – в дель арте
на картонном кресте
тряпка, кукла на ниточках, рвусь
по живому.

Летний гром – шестикрыл.
Тот верховный Шекспир
запустил во мне лимфу и разум скорбящий?
Чтобы мучился, жил,
чтоб в сплетении жил
кровь, горящая смыслом, молила о чаше.

Чтоб чернильница эта пустела, чтоб чаще...
чтоб по капле выдавливал
рабство чернил.

Сказка

Илья Муромец
побил ордынцев,
разогнал глупцов.

Пошёл в чисто поле,
отменил неволю,
рассудил отцов.

И стала Русь миром,
и все мило,
и один Бог...

Всё смог!

Ни змеи вокруг, ни басурмана...

Тогда он лёг рано,
закрыл в доме ставни
и стал камнем.

Механический Будда

Дверцу сердца на бронзовый ключик запри.
Но теперь посмотри: в средостеньи, внутри
завелась кропотливая жизнь.
Там, где крутятся втулки, снуёт маховик,
зацепился за донце паук-крестовик
и минутный плетёт механизм...

Что ты, глупый болванчик, пугаешься зря:
восемь глаз у него? Он нелеп и незряч!
Много дел – паутинку смахнуть!
И куда как смешон загустившийся яд!
– Так кого же он ищет в силки уловлять? –
шестерёнка жужжит наверху.

Ты же выверен весь – до последних пустот:
и пружина туга, и рассчитан завод
на капризы бессрочной игры.
Но уже прикоснулась чужая рука,
подсадив в несгораемый куб паука,
и другие вращает миры.

Так живи – не тужи: не страдай, не люби,
а привяжется нитка – живей обрубь,
будь пустым, словно счастье само.
А не то перемянут задумку и плоть,
Человеком в саду обернётся Господь,
поцелует кровавой слюной...

***

Любой старик – буддист. И силой бытия
развеществляется. Он изгнан, он изъят
из обращения жизни. Он – изъян,
и видит мельтешение пустое
в привычном круге призрачных вещей.
Круговорот рождений и смертей.
Так, словно в теле появилась щель,
он чувствует прореху. Слой за слоем,

как с дерева отжившая кора,
с него не в раз сползает кожа
привычек. Золотая мошкара
не для него теперь. Меж тем и этим
запутавшись, любя и разлюбя
свою судьбу, он смотрит вглубь себя
и видит реку времени, но рябь
пустило по воде дыханье смерти.

Всё чуждо отходящему уму.
И побеждает воля к Ничему,
к отсутствию, к зиянию. Потому
дурная, отрицательная вечность
его уже не может напугать...
В природе та же смерть. Дорога. Гать.
...И продолжает вкрадчиво играть
на полом тростнике вечерний ветер.

БОЛЬНИЧНЫЙ ЛИСТ

Лежит на койке старик.
Сопит, но к смерти привык.
А там, за левым плечом
дорога вьется ещё.

В тот детский дворик, где грязь
да ходит посуху гусь.
Где ждут начала войны.
Глаза у женщин страшны.
Огромны. Напряжены.

Но ждут во двор пацаны...

Чито-гврито

Птичка-невеличка – воробей, синичка.
Закурить пытался – отсырела спичка.

Огонёк игривый выйти отказался.
Кобелёк плешивый сзади привязался.

Паренёк счастливый по платформе ходит.
Он не я, а значит, молодость проходит.

И не жалко спички, но страшна осечка.
У синички в небе дрогнуло сердечко.

Кобелёк залаял, сгинул на перроне.
Паренёк с девчонкой промелькнул в вагоне.

...А моя подруга хороводит листья.
Эта осень – опись на вокзале жизни:

две перчатки, горечь, свитерок, пальтишко.
Словно сердце сжалось – в небе воробышка.

Скрипачка

К ней бабочка присела на плечо.
В её руке серебряный сачок?

Луг рампы золотит скрипичный лак.
И вырастает пауза, как злак.

Но снова сатанеет, рвётся звук:
в тенётах зала бабочка, нет – жук,

где слух следит глазами паука
за усиком смычка.

Перед домом Моцарта

Та площадь, Зальцбург – каменный мешок.
Кровавых туш мясной висит душок
ещё теперь, где рынок рвался в окна...
А сколько мух водилось здесь допредь –
хвостатых штилей, липнущих на снесь,
к бумаге нотной на клавирной полке.

Каких тяжёлых нот окорока
на длинный шест басового крюка
кидал подросток взрослой силой слуха.
Какие звуки мальчик свежевал,
чтоб струнный стон под небом замирал,
и сколько жил он выпростал на кухне.

К чему была сноровка мясника
тому, кто спорым лезвием смычка,
из равнодушной плоти сердце вынув,
кидал щепотью внутрь земную соль...
Мясник?.. Хирург,
пальпирующий боль!
Младенец с музыкальной пуповиной.

Поэзия и правда

...я мещанин.
А. С. Пушкин

абсурд абсент вопи артур рембо
когда любовь вогнали под ребро
когда она жена верна жирна
вертящиеся вечно жернова
где мелет семя сладость слабость страсть
соломку подстели на стог упасть
с соломинкой изломанной во рту
корабль дураков опять в порту
корабль уродов пьяный как и ты
взбешённый оттого что *животы*
подбрюдки там где красота должна
будить спасать офелия? жена?
полураздета в комнате и вяз
стучит в окно а ты в мечте увяз
рифмованной и в скепсисе густом
и может быть поэзия фантом
и фатум

оскорбивший быт-и-е
ты знал в жестокой жизни правда есть
в счастливом прозябанье простоте
и африка-афера не затем
чтоб умереть но с истиной союз

где музыка заката слаще муз
где векселя как вирши на руках
сон о семье
но *стих* звучит как *страх*

судьба не даст тебе второго шанса
на путь мещанства

Н. С. Лесков. Изложение.

Труды и дни. Трамвайное депо
в рабочем гуле, в масле. В перерыве
пройдётся пятернёй в вихрастой гриве
левша Алёша. Двери занесло.
Зима. И коченеет в перспективе
ведро, а в нём – опилки и тесло.

Прижав блоху ногтём, он смотрит вдаль,
и слов таких не выдумает Даль.

А на окне: Тоскана. Берег. Взгляд
дивится кипарисам, южным грозам.
– Весной душа отгаёт! – Ох, навряд!
Левша Алёша, под ногтём мороза
сотри со скул слезу *метем*-психоза.
Кто не рискует – пьёт денатурат?

Ворона ходит по небу, как грач.
Листает пухлый справочник главврач.

1001 ночь

Шахразада, скажи: почему не по сказке твоей
совершается тяжба с бессонницей? Перелистаю
сокровенную книгу и только сильнее устану.
Что за ночь? Что за притча? Вороной кричит соловей.
Выносимая боль бытия уколола – больней.

Только труд и отчаянье, труд и сомненье судьбой
управляют, увы. Только страх. И надежда на чудо.
А на свете чудес не бывает. Но я не Иуда,
чтоб твердить, что чудес не бывает. Без сказки порой
нет и жизни. И я притворяюсь, что верю, покуда.

Выносимая боль, даже ежели это – любовь,
на земле, где любой, как Фома, прикасается к ране,
избавленьем не станет. Полуночным смыслом не станет?
Только утренний свет. Только неба клочок голубой.
Только женщины тёмная сказка. О, женщина! Та,
что своей красотой, как твою судьбой, занята.

Новая жизнь

Пощадила, ну надо же! Вывела на утопанный снег
и сказала: «Иди», и в лопатки перстами подталкивая:
«Не смотри на меня. Я – судьба, и ещё заберу своё».
И как Лазарь крещусь, как сизарь трепещу, человек.

Это надо ж: с обритой башкой на больничном дворе
запрокинуться кумполом под лиловеющим куполом.
Вот какая душа: небеса с подворотнями спутала,
дура душой, а то же: Премудрости ищет Твоей.

На Крещение

Капель и солнце. Все-то лужи – всклянь.
Там – воробей, там чистит перья голубь.
Ты в оттепель залезешь в Иордань,
и что с того, что это просто – прорубь.

А над водой в мороз растёт дымок,
три дни висит безвидный дух. Обидно!
Пустейший пар. Но даль при слове Бог
становится другой. Неочевидной.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

***

Причерноморские кофейни
торгуют жирной шаурмой.
А мне давно пора домой,
в мой город
    мертвенный, недревний.

Иртыш. Корабль Одиссея
до половины врос в песок.
Иль это высится мосток
(слова повытерлись, истлели).

Лишь только голос зимних выюг
поёт о том, как прошлым летом...
.....
И в тёмном воздухе, за снегом
снованье греческих фелюг.

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТРОДУКЦИЯ

Порт Артур («Как было бы невыносимо...»)	4
--	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИСХОД

Мечта («Я хотел бы владеть небольшой забегаловкой в Чехии...»).....	5
Ностальгия («Вспоминая пустой...»).....	6
Омск. Восстановление («На Успенском соборе леса. Мастерок и рубанок...»).....	7
Сад юннатов («Собирались. Сбегали с уроков. Шли в стужу, во мрак...»).....	8
Уроки ненависти («Город дышит сумраком предместий...»)	9
Песня о царе Иоанне Четвертом («Ох ты гой еси...»).....	10
На школьном дворе («Мы собрались в адашевский кружок...»)	12
На выгуле («Собачья площадка. Барьеры, ограда. Скулит...»)	13
Перед зеркалом	
1. «Работали за пайку трудодня...»	14
2. «Сажали хлеб и убирали хлеб...»	14
3. «Бесхитростнее и мудрей...».....	15
Декабрист Александр Блок («В каналы чёрные добавили чернил...»).....	16
Отступник («Старушке – стыдливые десять рублей...»)	17
Палиндром 1991 года, или Новый 2002-ой («Но сидели за партией с притихнувшим фетом...»).....	18
«От обжорства два раза в неделю жестоко страдая»	19
Вспоминая девяностые («Павианы в малиновых пиджаках...»).....	20
Чтоб объехать всю курву-Москву («Ах, Московская Русь, – Золотая Орда...»).....	21
На рынке («Кедровый орех, да брусника, да клюква. Один...»).....	22
Наташка («Субботним вечером, большим, как мысль о Боге...»)	23

Устами младенца («Вот мама. Вот ее плечо, рука...»)	24
Тема с вариациями	
1. Первый урок («Мать пила, а отец для него только отчеством был...»)	25
2. Последний урок («Некрасивый мальчишка с угрюмым, надменным лицом...»)	25
Воспоминания о секции бокса («Помню: Кассиус Клей стал Мохаммед Али...»)	27
В капусте («Был дом открыт, и к нам на огонёк...»).....	28
Декабрь втроём («Бесплодный день, бесплотный как тоска...»)	29
Пэпэ Рваный Носок (« – Как, малыш, тебя зовут? - Пэпэ!...»).....	30
Зоосад («Свалялась шерсть...»)	31
Иосиф-плотник (апокриф) («Неисповедимы пути Господни...»)	32
Цирк («Я сызнава люблю простые вещи...»)	35
Читая сыну Барто («Ты разгваздал мой давний оберег...»).....	36
«Не океан вокруг, и я – не Одиссей...»)	37
Конец сезона («Парк отдыха. Закрыты карусели...»)	38
Исход («Воробьиное царство, какого тебе языка?»)	39

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НОВАЯ ЖИЗНЬ

«Вольфрамовый паук, плетущий в лампе сеть...»)	40
«Вот август, ночь. Отговорил сверчок...»).....	41
«Порхает синица: опустится – в небо уйдёт...»)	42
Бабочки	
1. Голубянка киана («Ах, бабочка, беглянка, два крыла!...»).....	43
2. Совка («Как будто тишина большая...»)	43
3. Нимфа («Репейница, крохотный складень»)	44
Атлант («Синичка щебетала: это – свой...»)	45
Девять соток («Грянут летние дни – отпущением грехов...»)	46
«Нет музыки, хранящей ото зла...»)	47
Лесничество зимой	
1. «Как хорошо на Рождество...»)	48
2. «Уехать в северный заказник...»)	48

3. «И зверь лесной, и гад морской, и птица...».....	49
Лето в деревне («Выходишь на берег, как гусь из воды...»)	50
Над рекой («Душа – как утро в камышах...»)	51
Сентябрь («В лужах – небо и грязь...»)	52
Полкану («Дай лапу мне, когда такая стынь...»)	53
Священная корова («Деревенское лето в зелёной дрожит чехарде...»)	54
В деревню. Лубок («Приедет важный господин...»)	55
«Вот рисунок обычный. Художник-враль...»	56
Дорога («Дворовый пёс меня приревновал...»)	57
4-ый скорый («Пульс поезда заметно ослабел...»)	58
Гроза над садом («Дождь в созвездии Рыб...»)	59
Сказка («Илья Муромец...»)	60
Механический Будда («Дверцу сердца на бронзовый ключик запри...»)	61
«Любой старик – буддист. И силой бытия...»	62
Больничный лист («Лежит на койке старик...»)	63
Чито-гврито («Птичка-невеличка – воробей, синичка...»)	64
Скрипачка («К ней бабочка присела на плечо...»)	65
Перед домом Моцарта («Та площадь, Зальцбург, – каменный мешок...»)	66
Поэзия и правда («абсурд абсент вопи артюр рембо...»)	67
Н. С. Лесков. Изложение («Труды и дни. Трамвайное депо...»)	68
1001 ночь («Шахразада, скажи: почему не по сказке твоей...»)	69
Новая жизнь («Пошадила, ну надо же! Вывела на утопанный снег...»)	70
На Крещение («Капель и солнце. Все-то лужи – всклянь...»)	71

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Причерноморские кофейни...».....	72
-----------------------------------	----

РУМЯНЦЕВ Дмитрий Анатольевич

НОБЕЛЕВСКИЙ ТУПИК

(стихотворения 2006–2011 годов)

Корректор *Г. Н. Орлов*
Технический редактор *О. Ю. Макарова*
Дизайн обложки *О. Ю. Макарова*
Фото автора *А.В. Румянцев*

Подписано в печать
Бумага офсетная
Печ. л. 4,75
Тираж 250 экз.

Формат 60×84/16
Ризография
Уч.-изд. л. 5,0
Заказ М143

Издательство ОмГПУ. Отпечатано в типографии ОмГПУ.
644099, Омск, наб. Тухачевского, 14, тел./факс (3812) 23-57-93